

АВСТРАЛИЙКА НА ВЫДАНИЕ

Почему Николь Кидман

учит русский и хочет приехать в Москву

сколько десятков камер выстроились в три яруса, операторы буквально висли на плечах друг у друга. Сотни кресел в просторном конференц-зале «Палаццо дель Казино» были забиты за два часа до появления Николь Кидман. Так что Мартин Скорсезе, появившийся в 11.30, выступил как «разогревающий» перед основным концертом. Та же участь постигла и молодого Ричарда Линклейтера, героя фестиваля Санденс в этом году, — его слушали вполуха. К половине первого наконец проснулись все журналисты, отсыпавшиеся до того по разным углам Венеции, — они плотной толпой человек по 5–6 в ряд забили все проходы в конференц-зале, и охрана, за нервничав, уже вынуждена была отсекал зазевавшихся профи. Акулы ноутбукв пришли в боеготовность № 1, чтобы посылать репортажи с места в карьер — прямо из зала через мобильные, спянные с компьютерами. Так в Венеции журналисты встречали Николь Кидман.

Прессовка запаздывала. Ноутбукеры ерзали коленками. Но звезда недолго заставила себя ждать, и вот наконец конференцию по фильму «Другие» объявили открытой. Первой вышла крашеная блондинка с пышной гривой — журналисты были охнулы, но облегченно вздохнули, когда узнали Фионнулу Фланеген (Fionnula Flanagan) в этой даме с декольте, опасным для ее возраста (как-никак, госпожа Фланеген начинала актерскую карьеру еще в шестидесятых) — узнать ее сразу было нелегко, так как в фильме «Другие» она играет бодрую ведьмоватую старушку викторианской эпохи, когда старушки еще не пергидролились. За Фионнулой вслед пошла дети. И, наконец, Николь Кидман. Где-то между ними суетливо проскочили молодой режиссер Алехандро Аменабар (Alejandro Amenabar) и целых четыре продюсера разного вида и возраста. Журналисты бурно хлопали Николь, но еще больше — детишкам, которые вместе с ней составили замечательную безумную семейку в «Других».

Языковые проблемы возникли с самого начала. Ведущий конференции минут пять обсуждал с Аменабаром, на каком языке тот хотел бы отвечать на вопросы — на английском или на испанском, но так как испанского переводчика все равно не было под рукой, то в конце концов Аменабар (со страшным акцентом) заговорил по-английски: «Я хотел снять фильм в Испании. Но продюсер сказал, что это лучше снять в Англии, так как сюжет имеет отношение к викторианским историям» (надо сказать «спасибо» продюсеру, так как на испанском

материале фильм выглядел бы таинственно-родригесто). Аменабар — испанец, который родился в Сантьяго-де-Чили в 1972 году, но всю сознательную жизнь прожил в Мадриде.

Фионнула Фланеген успела только признаться в том, что она «а росо» (то есть слегка) знает итальянский. После этой фразы журналисты забыли о ней навсегда. И дальше все внимание было приковано к бывшей госпоже Круз.

Николь Кидман покорила зал. Она вышла к прессе в кремовой блузке-юбочке и узких очечках — как сельская учительница, которая выиграла в лотерею и теперь должна быть на сцене. На протяжении полчасика она талантливо и упорно играла роль интеллектуалки, которая тоскует по Настоящим Режиссерам, плюет на Большой Бизнес и ждет Великих Ролей.

Кидман сказала то, что хотела услышать Венеция. Достаточно сказать, что на 58-м фестивале аккредитовано 10 человек из журнала «Каие до синема». То есть фестиваль настроен на европейского интеллектуала с порядочной фигурой антиамериканизма в кармане (чего стоит хотя бы история фильма «Бычок» (Bully) Лэрри Кларка (Larry Clark) — в Штатах он чуть ли не запрещен, а в Венеции включен в конкурсную программу и, вероятно, получит какой-нибудь второсортный приз только за то, что режиссер не в ладах с Америкой. Американская (по сути) актриса призналась, что родной дом для нее — Австралия (уже приятно), она учит трудный иностранный язык (значит, умная) и живет с мечтами не о бабках, а о вечном. Большого нельзя было и желать.

Вакханалия началась, как только прозвучали слова «пресс-конференция окончена». Журналисты, повизгивая на поворотах, резво рванулись брать автографы у звезды, едва-едва не смяв охрану. Натянуто улыбаясь, Николь Кидман подписывала все что давали и вскоре ретировалась.

Долгое время она существовала в тени своего мужа. В Голливуде ее принимали как провинциалку, которая решила «открыть Америку» из чужой постели. Над супружеской парой Круз–Кидман в открытую издевались и распускали разные слухи — один грязней другой. В позапрошлом году они появились в Венеции вместе — тогда еще Николь была в тени Тома. Но вот наконец долгожданный успех — фильм «Мулен Руж», показанный в Каннах в этом году. А Венецианский фестиваль стал первым большим кинособытием, где она появилась после недавнего развода. Вместе с двумя новыми фильмами. Те-

перь Кидман — настоящая звезда, которая грозит вскоре затмить бывшего мужа. Она уже готова вернуться в Америку на европейском шите. В «Других» она раскрылась как первоклассная актриса. Так что российским режиссерам уже пора записываться в очередь на Кидман. Конечно, если таланта хватит.

НИКОЛЬ КИДМАН О «ДРУГИХ» И НЕ ТОЛЬКО

— То, что меня интересует, — сниматься у больших режиссеров, быть частью их планов (о том, как молодой режиссер заполучил звезду).

— Я не интересуюсь коммерческим успехом. Мне интересны хорошие режиссеры (о бизнесе и искусстве).

— Мне нравятся триллеры, психологические триллеры (о любимых фильмах).

— Когда я прочитала сценарий, он потряс меня (о работе над фильмом «Другие»).

— Я пыталась найти в ее характере то, что позволило бы понять ее (о Грейс, своей героине).

— У него очень сильное видение того, что он хочет. Я доверяла ему (об Аменабаре).

— Мое следующее решение — поехать в Данию (о планах на будущее).

— Ларс фон Триер послал мне письмо. Послал сценарий. Я прочитала сценарий. Он один из тех режиссеров, с которыми я действительно хотела бы работать (о том, как возник совместный проект с фон Триером).

— Я думаю, что здесь очень хорошо (о Венеции). Но я двигаюсь по миру, и мой дом — Сидней, Австралия.

МЕРТВЯКИ НА ОСТРОВЕ

К первому показу фильма «Другие» зрительский ажиотаж достиг первого пика. Очередь в зал «Палагалилео» (только из аккредитованных профи) змеилась по земле. Никто не хотел уходить — в зал втискивались и прорывались. И фильм не обманул ожидания.

Мраки, крики и туманы. Антураж хоррора, начиная с незапамятных времен. Еще Дрейер начал снимать жутики так, чтобы дрожащие тени пугали больше, чем обыкновенные актеры. Нагнетание напряженности — не было и нет в этом равных Хичкоку. Атмосфера страха, разлитого в воздухе, — то, что делает фильм по-настоящему ужасным. Что нового может ввести какой-то испанец в мрачно-криливо-туманный ужас? Сюжетный поворот. Актра.

В фильме «Другие» один мужчина. И это — трупак. Он поразительно напоминает Тома Круза — есть что-то общее в выражении

ли бы не режиссер Алехандро Аменабар. Когда своим тонким голоском она говорит: «Мама! Я не верю в то, что Бог создал мир за 7 дней», по залу волной проходит нервный смех, потому что ее слова звучат не как капризы маленькой дурочки, а как осознанное убеждение демона. Судя по бойкой манере этой девчонки, ее ждет большое кинобудущее. Еще бы! Детишек искали по всей Англии 7 месяцев в 70 школах.

Я давно не видел фильма ужасов, на котором кричат. Тем более — циничная киношная аудитория, готовая ко всему. Но в фильме есть по крайней мере одно место, в котором женщины орут, а мужчины делают глубокий вдох, и еще одно место, где женщины явственно попискивают. «Я полфильма закрывала глаза руками», — призналась обозревателю «НГ» одна из его коллег. Картина держит в напряжении от начала и до конца.

Главная заслуга — Николь Кидман. Она замечательна всем — и внезапной мягкостью в голосе, когда она начинает говорить со своим любимым мертвяком, и дрожью в спине, когда она вдруг волнуется о детях. Кидман играет аристократку, которая боится всего. Главное — она боится жизни и передает свой страх на расстоянии.

Основной недостаток сюжета в том, что все ясно сразу. Понятно, что муж — трупак, с первого его возникновения — из тумана. Очевидно, что ничего хорошего не выйдет — начиная со страшных титров.

Аменабар держит атмосферу, и в этом — его достижение. Есть и переборы — особенно там, где это касается Алакины Мэнн: на пресс-конференции она сказала, что ей «было смешно» сниматься в фильме, и когда ее задорный голос отрицает библейские истины, то в зале слышались смешки. Но маленькая порция смеха — перчинка в мире ужаса.

Дом стоял на острове Гернси, а вокруг него плыл туман. В доме нет телефона. Нет радио. Нет даже электричества. А время — 45-й год. Уже тут закрадывается первое подозрение... Но оно оправдывает себя только в последней четверти фильма...

Приходят в дом слуги. Ан не слуги они, а трупак. И ничего — так, говорят, надо, теперь, говорят, все так жить будем — мертвые вместе с живыми, и ничего в этом страшного-то нет. И в конце концов все становится ясно. На самом-то деле все — трупак. И хозяйка, и трудовой класс. Все хорошо. Все умерли.

(О фильме «Девушка для дня рождения» читайте в ближайших номерах «НГ».)

Венеция

Николь Кидман

04.09.01